

Нежданов Владимир Львович

магистр международных отношений, ассистент кафедры новой истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», эксперт Центра изучения перспектив интеграции, эксперт РСМД, г. Тюмень,
v.l.nezhdanov@utmn.ru

**РОЛЬ КИТАЯ В РЕФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Развитие КНР в начале XXI в. подразумевало преимущественно экономическое развитие, которое не предполагало значительного влияния Пекина на эволюцию глобальной политической архитектуры. Можно утверждать, что до 2012 г., прихода к власти пятого поколения руководителей, китайская внешнеполитическая стратегия основывалась на идеях Дэн Сяопина, предполагавших: 1) хладнокровно наблюдать, 2) укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, 3) справляться с трудностями, 4) держаться в тени, ничем не проявлять себя, 5) быть в состоянии защищать пусть неуклюже, но свои собственные взгляды, 6) никогда не претендовать на лидерство, 7) осуществлять что-то реальное [Богданова, Солнцева, 2018].

Экономический рост в 2000–2010-е гг. заметно укрепил международные позиции Китая. По данным Всемирного Банка, в 2001 г. ВВП Китая составлял 1,339 трлн долларов, тогда как в 2018 г. ВВП составил 13,608 трлн долларов¹.

На фоне укрепления экономических позиций КНР начали появляться политические амбиции. Первые изменения внешнеполитического курса КНР стали заметны в 2012–2013 гг. Первая идея, обозначенная Си Цзиньпином, касалась концепции «китайской мечты о возрождении китайской нации»².

¹ The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/country/china> (дата обращения: 22.07.2020).

² Chung-min Tsai. The Chinese Dream: a Vision for China's Future or a Decade-Long Fantasy? // Carnegie Endowment for International Peace. URL: https://carnegieendowment.org/files/Chung-min_Tsai.pdf (дата обращения: 22.07.2020).

При развитии идеология «китайской мечты» была разделена на три компонента¹. Первый компонент означает «Китай в Китае» и обращается к националистическому пласту концепции, подчеркивая особый национальный характер КНР и объединяя граждан в рамках классического государства-нации. Второй компонент «Китай в Азии» подчеркивает незападный характер идеологии. Наконец, третий компонент «Китай в мире» подчеркивает стремление КНР построить современную цивилизованную страну при развитии китайской модели универсализма в международных отношениях.

Внешнеполитические амбиции Пекина в 2010-е гг. привели к изменению дипломатического лексикона. В 2013 г. Си Цзиньпин поставил задачу: «рассказывать миру о Китае, нести вовне голос Китая и усиливать китайскую дискурсивную силу (*хуаюйцюань*)².

На сегодняшний день можно выделить ряд неологизмов китайского политического словаря, которых не существовало до 2012 г. Данные неологизмы направлены на укрепление китайской «дискурсивной силы», предполагающей, что при эволюции глобальной политической архитектуры Китай будут не только слышать, но и слушать.

Так, предложим ряд неологизмов, направленных на укрепление «дискурсивной силы» КНР.

1. Китайский дух (*Чжунго цзиньшэнь*): данный термин впервые был упомянут председателем КНР Си Цзиньпином в контексте возрождения китайской нации.

2. Китайский путь (*Чжунго даолу*): данный термин впервые был упомянут Си Цзиньпином в контексте того, что необходимо углубить понимание международным сообществом китайского пути.

¹ Ван И Вэй: Чжунго мэн дэ саньчун нэйхань // Хуаньцю шибао. 29.01.2013. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/9CaKrnJz4wr> (дата обращения: 22.07.2020).

² Денисов И., Зуенко И. Почему новый язык китайской дипломатии звучит так грубо? // Профиль. 26.05.2020. URL: <https://profile.ru/abroad/pochemu-novyy-yazyk-kitajskoj-diplomatii-zvuchit-tak-grubo-320380/?fbclid=IwAR2fZmR3weIsEShZT06xQxXuDTjddQUhqNL03fUNxiEfpmMAshZEV11Yunc> (дата обращения: 22.07.2020).

3. Китайская мудрость (*Чжунго дэ чжихуй*): первоначально данный термин был использован Си Цзиньпином в контексте концепции «одна страна, две системы», однако позже применение этого термина было расширено для обозначения предлагаемых Китаем решений проблем глобального управления.

4. Культурная уверенность Китая (*вэньхуа цзысинь*): данный термин впервые был использован в 2014 г. Его можно понимать, как уникальную духовную идентичность китайской нации, которая охватывает не только традиционную культуру Китая, но и его революционную культуру и социалистическую культуру.

5. Два руководства (*лиан гэ иньдао*): термин впервые был упомянут в 2015 г. Идея термина заключается в том, что Китай должен направлять международное сообщество для совместного формирования более справедливого нового международного порядка и совместной защиты международной безопасности.

6. Китайская история (*Чжунго гуши*): данная концепция, появившаяся в 2012 г., направлена на продвижение китайских взглядов и выражений для влияния на мировое общественное мнение.

7. Сообщество единой судьбы человечества (*жэньлэй минюнь гунтунти*): данная концепция была предложена Си Цзиньпином в 2013 г. Концепция подразумевает неделимость человечества и общую ответственность за развитие.

Помимо названных наиболее ярких концепций китайская политическая мысль предлагает еще порядка 10 неологизмов, направленных на укрепление политических позиций КНР в международных отношениях.

В итоге можно сделать ряд выводов, относительно роли Китая в реформировании глобальной политической архитектуры.

Реальные попытки КНР оказать влияние на глобальную политическую систему берут начало в 2012–2013 г., однако фактическое начало более активной китайской внешней политики началось в 2017 г. после XIX съезда Коммунистической партии Китая.

Сегодня Китай сосредоточен преимущественно на укреплении собственной «дискурсивной силы», тогда как реальные действия Пекина показывают его неготовность стать глобальным лидером, подобно США.

Несмотря на всеобщее внимание к политике в Азии, уделяется мало внимания изучению китайской «дискурсивной силы» (*хуаюйцюань*), что негативно сказывается на качестве аналитики как в политической, так и в экономической сферах.

Литература

Богданова Н.А., Солнцева Е.Г. Особенности дипломатического курса Дэн Сяопина // Манускрипт. 2018. № 2 (88). С. 10–14. Doi: 10.30853/manuscript.2018-2.2.